

Эта встреча не должна была произойти.

Миша и Маша. Столько огня и страсти прогремело между ними, что теперь, спустя годы разлуки, их тянуло, будто пьяного к кабаку. Маша, невысокая, но статная, словно карликовая берёзка, приютилась у окна с чашкой капучино. Снег хлопьями огорошивал людей, точно издевался над их суетой и мелкими желаниями.

Кафе пустовало. Бармен лениво протирал стойку, дожидаясь, когда уйдёт начальство, чтобы вздохнуть во всю грудь. Застенчиво-тихо пела музыка.

Миша ворвался, словно налётчик,—с шумом, топотом и громким кашлем.

— Двойной американо! — крикнул он у дверей и повернул голову к единственному занятому столику.

Маша тоже обернулась. Из любопытства. У обоих замерло сердце.

Не говоря ни слова, Миша сел напротив той, кого боготворил.

Они молчали минуту, потом другую. Снег на плечах Миши растаял и залил собой пол. Первым сказал Миша. Речь была запальчивой, жаркой. Маша совсем растерялась, её лицо зарделось, а глаза задрожали от слёз. Она не сдержалась и с той же горячностью стала отвечать любимому. Кофе принесли. Кофе остыл. Утро сменилось полуднем. — Нам надо уединиться! — выпалил Миша то, что крутилось на языке с первой минуты у обоих. — Мы не можем! — жарко ответила Маша. — У тебя Жанна, ребёнок. У меня дети... Светлогорский... — Плевать я хотел на его лысую голову! Ты же не любишь его?

— А ты... любишь? — Маша дрожала так, словно её знобило.

Лихорадка полузабытых чувств охватила влюблённых. Они утонули друг в друге на съёмной квартире, будто вернувшись в студенческие годы, когда жили впроголодь и занимались любовью редко — не было денег на угол.

Когда бурная сцена стихла и опустился занавес, Маша вздохнула так сладко и горько, что стало ясно: этого ей не хватало. Миша задумчиво закурив в окно.

— Дай мне свой номер, — сказал он безжалостно, не считаясь с её нынешней жизнью.

— Миша... — взмолилась Маша. — Может, это лишнее? У нас семьи.

Стальной и полный решимости взгляд стал ей ответом. Миша с особым трепетом, какого не испытывал ни к кому более, проводил Машу до такси. Они взглянули друг на друга на прощание и поняли: ещё не конец.

Чуть позже приехала Жанна. Высокая, жеманная, как худое ветвистое дерево, заслоняющее собою окно. Жанна не смотрела Мише в глаза, она жаловалась на боли: головные, в сердце, в спине. Сетовала на плохое настроение, на зимнюю депрессию, на хамоватого таксиста. Миша разгружал сумки бог весть с чем и чувствовал себя фасовщиком, прислугой.

Жанна только и говорила, что про свою маму, про её успехи в бизнесе, про новые идеи, подружесодержанок — словом, про всё то, что заставляло Мишу помнить, что живёт он за её счёт и ровней быть не может.

Миша разобрался с пакетами, выслушал унизительные речи, осунулся, обмельчал, затем прошмыгнул на балкон и с сигаретным дымом проглотил этот вечер, думая о Маше.

Маша сидела напротив входной двери, держа руки на коленях, как в школе. Она чувствовала скорый скандал, нутром понимала, что Светлогорский её разоблачит. Маша гордилась тем, что не умела лгать, но теперь грызла ногти и молила всех богов, чтобы муж вернулся навеселе. Она не называла его по имени — только муж или Светлогорский. Он любил фамильярность, любил всем видом подчеркнуть свою значимость.

Светлогорский вошёл в квартиру с таким видом, какой бывает лишь у тех, кто пришёл по чью-то голову, — приставов, полицейских и прочих.

Светлогорский бросил небрежный взгляд на супругу, подал ей мантию и буркнул:

— Ты какая-то бледная. Ты нездорова. Приляг.

Он никогда не спрашивал про истинное положение дел, поскольку ему, как он считал, хватало взгляда, чтобы всё обо всём понять. Маша подала ужин и спряталась в комнате. Супруги давно жили порознь под одной крышей. Случилось это в ту пору, когда Светлогорский охладел к Маше в вопросах страсти. «Спи отдельно, ты меня тяготишь», — сказал он тогда.

Маша засыпала, словно ребёнок, впервые обхитривший родителей. Улыбка не сходила с лица,

глаза горели от счастья, внутри всё трепетало. Она повторяла имя одними лишь губами, растягивая по слогам: «Ми-ша». Маша опьянела от любви.

Новый день её отрезвил.

Проводив Светлогорского на работу, Маша принялась за свои чувства.

— Надо выкинуть всё из головы, — повторяла вслух, глядя на маленького Арсюшу, играющего в кубики. — Нельзя так, нельзя.

Раздался телефонный звонок. Взглянув на экран, Маша содрогнулась и едва не повалилась на пол, благо в последний момент удержалась за стул.

— Не звони мне больше, — стараясь сохранять самообладание, ответила Маша любимому.

— Это всё деньги! — сказала Миша. — Если бы не деньги, мы бы бросили их, ведь так? Так?

Маша сбросила звонок. А через неделю Светлогорский повёл её в ресторан. «Выгулять», как он говорил, точно речь шла о собаке. Парочка заняла столик, невдалеке играли музыканты, говорили люди — кто вполголоса, кто поднимал тост; и тут Маша врезалась взглядом в того, кого просто быть не должно. Миша сидел со скупающей Жанной.

— Какое ужасное меню, — жаловалась она, небрежно листая страницы. — Разве это можно есть? Вот мама говорит...

Миша не дослушал и обернулся в сторону Маши, точно знал, что она именно там. Язык обманчив, глаза честны. Миша сказал, что ему надо отлучиться, и под аккомпанемент: «Дома не мог сходить?» — прошёл мимо Маши в сторону уборной, куда позвал за собой одним лишь взглядом.

Маша последовала за своим гипнотизёром беспрекословно, толком не объяснившись со Светлогорским.

Они жарко шептали, пытаясь каждый убедить в своём, как вдруг их прервал тот, кого ждали меньше всего. Светлогорский, не теряя лица, оглядел соперника с головы до пят и холодным, приказным голосом сказал:

— Мы уходим, — после чего хозяин и его рабыня покинули кафе навсегда.

Миша едва стоял на ногах. Он умылся холодной водой, посмотрел в зеркало, пытаясь разобраться во всём, но ничего не выходило.

— Чем занимаешься? — небрежно спросил Миша, рухнув на стул возле Жанны.

Она взглянула на него с таким пренебрежением, с каким смотрят на бездомных, и сказала:

— Как обычно. Отдыхала в твоё отсутствие.

Дома Светлогорский не устраивал сцен, а, по обыкновению, лёг спать, полный безразличия. Это ещё больше терзало Машу: «Да лучше бы ударил, накричал, из дома погнал, как собаку». Утро встретило Машу фразой:

— Я больше тебя не люблю. Можешь идти к своему бывшему — мне всё равно.

Дверь за мужем закрылась с особенным грохотом, предвещающим беду. Маша обомлела и растеклась в кресле.

«Может, оно и к лучшему? Может, так надо?» — пыталась она убедить себя, попутно набирая номер Миши. Миша трубку не брал.

Вскоре на том конце раздался знакомый голос. Маша сказала:

— Всё кончено. Я от него ухожу.

Миша тяжело задышал от счастья и не в силах был что-либо сказать. Наконец выпалил:

— Я скоро буду.

Через одно мгновение он оказался у её ног, через другое — они делили постель, через третье — нежались в объятиях друг друга и о чём-то мечтали. — Я тоже уйду от Жанны. Я её не люблю.

— Тоже? — не верила Маша.

— Конечно! Кто мы для них? Дешёвки — вот кто!

Миша вскочил на ноги и обнял Машу за плечи. — Если бы не деньги, Маша, стали бы мы с ними жить? Стали бы?

И вдруг их обуяло счастье, простое и беспричинное, какое обыкновенно бывает, когда о чём-то размечаешься и кажется, что это что-то случится вот-вот или уже случилось. Влюблённые смеялись, как дети, говорили во весь голос, поносили без пяти минут бывших супругов и радовались свободе. Но всему приходит конец.

— Миш... А ты сможешь обеспечить меня и ребёнка? Я не работаю, ты знаешь, и...

У Миши похолодело сердце.

— Маша, пока всё непросто. Я живу за счёт Жанны, ты знаешь.

Маша посмотрела таким взглядом, какой бывает у животных, ведомых на заклание.

— Но я всё исправлю! Да, да — всё! — горячо ответил Миша, не веря сам себе. — Сейчас я приеду домой, обо всём скажу Жанне и тут же вернусь, хорошо?

Маша выдавила улыбку, но глаза оставались холодными, недоверчивыми.

— Жди моего звонка, любимая, — сказал Миша, закрывая за собой дверь.

Миша ехал полный решимости, которая всё больше исчезала, чем ближе он становился к дому. Жанна встретила небрежным:

— А, это ты? — словно ожидала кого-то ещё. — Проходи, есть новости.

Миша разделся, как провинившийся школьник, и стоял навытяжку перед женой, боясь ляпнуть лишнего. Жанна лежала на диване в домашнем халате и с маской на лице. Рядом с ней примостилась кошка. Обе смотрели на Мишу с лёгкой долей неприязни.

— Мама сказала, что депрессию надо лечить на Канарах. Ты был на Канарах? Ах да, о чём это я? Короче, собирайся, уже всё оплачено. Вечером вылет.

Миша обрадовался, как мальчишка, которому купили дорогую игрушку. Родители Миши жили

бедно и про Канары никогда не слышали. Мише тоже не довелось разбогатеть. Поговорив с супругой, Миша вышел в коридор. Он подумал, что позвонит Маше после, когда выжмет из этой «твари» — так он про свою жену — всё. Миша не позвонил. Канары! Кто бы мог подумать: где он, а где Канары!

Маша почти не ждала звонка. Она смотрела на спящего сына, на кухонный гарнитур, на широкий телевизор. Словом, цеплялась за всё, что нажито и с чем теперь предстояло расстаться.

Вечерело. В квартиру вошёл Светлогорский. Маша помогла ему раздеться и проводила к столу. — Ты ещё здесь? — спросил он, занеся ложку над тарелкой. — Где твой любовник?

Маша разрыдалась, упала на колени и обняла мужа.

— Прости меня, дуру! Ничего не было! Ничего! Я люблю тебя! Прости меня!

Спустя несколько минут непрерывных рыданий Светлогорский одобрительно погладил жену по голове, как хозяин гладит послушного пса. В ту ночь Светлогорский овладел женой. Ей было неприятно, противно, это ничуть не походило на недавнюю страсть с Мишей. Когда всё кончилось, Маша сердечно призналась, что это лучший раз в её жизни и она счастлива, что они снова могут любить друг друга.

— Любить? — спросил Светлогорский, недоуменно приподняв одну бровь, после чего ушёл спать к себе в комнату.

Маша приняла душ и приготовилась ко сну. Она по привычке проверила телефон — пропущенных вызовов нет.

Она зашла в список контактов и удалила номер Миши.

На-все-гда.